

ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ В ПОВЕСТИ ИВАНА ШМЕЛЕВА «БОГОМОЛЬЕ»

Терешкина Д.Б.¹

¹ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41); e-mail: terdb@mail.ru

Предложена новая трактовка повести И.С. Шмелева «Богомолье». Произведение рассмотрено в контексте «минейного кода» с маркерами имени святого, эпизодов его жития, историй жизни людей, почитающих Сергия Радонежского. Приведены аргументы, доказывающие, что прием художественного отождествления является одним из ведущих в тексте, раскрывает главную мысль автора: о присутствии отраженной святости в каждом человеке, верующем в святое. Охарактеризованы художественные особенности повести, показано, каким сложным и многогранным является представление народа о феномене святости. Определены детали текста, говорящие об искренности и эмоциональной наполненности веры в Сергия как «заступника» простого человека. Отмечены специфические художественные приемы, позволяющие говорить о жанровом различии «жития» и повести, использующей житийные и минейные традиции.

Ключевые слова: отождествление, житие, святость, минейный код.

THE POETICS OF ARTISTIC IDENTIFICATION SERGIUS OF RADONEZH IN THE STORY OF IVAN SHMELEV "PILGRIMAGE"

Tereshkina D.B.¹

¹Novgorod State University by Yaroslav de Wise, Velikij Novgorod, Russia (173003, Velikij Novgorod, Bolshaja Sankt-Peterburgskaja st., 41), e-mail: terdb@mail.ru

Proposed new interpretation of the novel of I. S. Shmelev «Pilgrimage». The text is considered in the context of «menajon code» with markers of the name of Saint Sergius, episodes from his life, stories of people's lives, honor of St. Sergius of Radonezh. Given the arguments that the reception of artistic identification is one of the leading in the text, reveals the main idea of the author: about the presence of Holiness reflected in every person, believer in Holy. Characterized the artistic features of the novel, shows the complex and multifaceted perception of the people about the phenomenon of Holiness. Defined parts of the text, talking about the sincerity and emotional fullness of faith in Sergius as "defender" of the common man. Specific artistic techniques allowing to speak about the genre distinction of the "life" and the story using hagiographic and menajon traditions.

Keywords: identification, life, Holiness, menajon code.

Повесть «Богомолье» Иван Шмелёв написал в 1931 году в Париже, параллельно с самым известным своим сочинением, романом «Лето Господне». Повесть сразу стала широко популярной в кругах русской эмиграции; в России читатели познакомились с повестью в конце 1980-х годов. Как и в «Лете Господнем», в «Богомолье» И. Шмелев показывает Россию утраченную, оставшуюся в его детских воспоминаниях и благодарной памяти. Повесть посвящена описанию хождения к Сергию Радонежскому – в Троице-Сергиеву лавру – Михаила Панкратыча Горкина, наставника маленького героя Шмелева, и Вани, которого, вместе с другими попутчиками и помощниками в долгом пути, Горкин взял с собой. На своем пути богомольцы встречают множество людей, сталкиваются с разными жизненными историями и ситуациями, с горем и радостью, чудом и лицемерием человеческих слабостей; устаиваются они встречи с известным старцем Варнавой Гефсиманским, который благословил их – каждого по-своему и на свое дело. Богомолье

становится большим событием в жизни героев: Горкин готовится к нему долгие годы, собираясь покаяться не только в своих грехах, но и исполняя обет, данный другим, до Преподобного так и не дошедшим. Мальчик Ваня воспринимает путешествие в лавру как необыкновенное, увлекательное, полное чудес приключение, которое имело и высокий духовный смысл, который маленький герой чувствует непосредственно – через слова богомольцев, прежде всего Горкина, через осознание соприкосновения со святыней, а также интуитивно, понимая, что все совершаемое гораздо больше того, что можно видеть и чувствовать.

Термин «художественное отождествление» взят нами из исследования Ивана Ильина «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев», впервые изданного в Мюнхене в 1959 году. Иван Ильин, как никто хорошо знавший Ивана Шмелева, понимавший его духовный мир и смысл его творчества, писал именно по поводу повести «Богомолье»: «Русь именуется «святою» и не потому, что в ней нет греха и порока или что в ней все люди – святые. Нет. Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а, по греховности людской, и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым откликом ее... – и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье. И в этой жажде праведности человек прав, и свят, при всей своей обыденной греховности» [1, 183]. То, что Иван Ильин назвал важнейшей духовной составляющей русского православного народа, мы используем как название литературного приема, который в повести «Богомолье», на наш взгляд, оказывается ведущим художественным методом И.Шмелева. «Художественное отождествление» при этом становится приемом, несколько отличающимся от поэтики уподобления, применявшейся в древнерусской агиографии, генетически связанного с ним.

Повествование о хождении к Сергию постоянно сопровождается упоминанием о житии святого. Богомольцы не только помнят житие святого; они покупают дешевое издание жития, чтобы читать его в дороге и знать его в подробностях. Однако житие Сергия Радонежского не дается целиком в какой-либо композиционной части повести; оно словно растворено в повествовании, включается в него эпизодами, цитатами, отдельными фразами, упоминанием имени святого. Эпизоды из жития Сергия, о которых напоминают друг другу богомольцы, – самые известные из популярнейшего на Руси текста: об одаривании Сергием медведя, приходящего к святому за хлебом, о построении Сергием клеток и келий для братии, за что угодник просил только сухой хлеб, о розыскании пропавшего коня отроком Варфоломеем, о приветствии Сергию брата его Стефана, когда праведники поздоровались друг с другом духовно увидя друг друга за десяток верст. Упоминаются предметы,

оставшиеся, по словам богомольцев, со времен Сергия и описанные в житии его. Все это схоже с описанием святынь в древнерусском жанре хождений, когда, например, жизнь и крестные муки Христа излагаются по мере посещения тех или иных святых мест, каждое из которых связано с тем или иным эпизодом Евангелия. Однако если в древнерусских хождениях реконструкция жития (главным образом Христа) шла по схеме стимул – реакция (паломник видит объект и проникается атмосферой событий времени Христа, вспоминает события Его пути), то в «хождении» И.Шмелева реакция словно растворена в пространстве и времени и не нуждается в объективированных стимулах-святынях. Более того: то, ради чего совершалось паломничество в лавру (поклонение мощам Сергия) описано достаточно кратко и сдержанно; путь мальчика с отцом к раке святого сопряжен с преодолением вполне приземленных преград: толп верующих, живого коридора калек, просящих подаяния и вызывающих в мальчике страх, усталости и беспокойства отца, переживающего за сына, которого могли повредить в давке. Чудесным образом ребенок понимает, что святой – не только там, в раке, а везде и всюду, всегда рядом: «А Преподобный будет рад» [5, 138]. «Лежу и думаю <...> где-то далеко-далеко – Угодник, который теперь нас ждет» [5, 143], «Всегда тут праздник, словно Он здесь живет» [5, 200]. Рядом со святым человек преображает свою жизнь, делает ее сопричастной жизни угодника, преображается сам, приближаясь к частичному отождествлению с ним, и это становится одним из проявлений приема художественного отождествления.

Это отождествление как будто имеет свою «иерархию». Герои повести изображены таким образом, что некоторые из них представляются максимально приближенными к святому – как старец Варнава, о котором Горкин говорит Ване: «батюшка Варнава – подвижник-прозорливец, всех утешает... не такой, как мы, грешные, а превысокой жизни. Стечение-то к нему какое...» [5, 225]. При этом богомolec и во многом праведник сам Горкин, которому отец Вани говорит в шутку и всерьез: «Да ты и без монастыря преподобный, только что в казакинчике» [5, 223], считает себя большим грешником, а на молву народа о себе как «знающем» говорит гневно: «что Богу только известно, а нам, грешным, веровать только надо и молиться» [5, 165]. Прочие люди словно отражают лишь блики праведности, святости: Федя – в бОльшей мере («из себя красавец, богатырь парень, кудрявый и румяный. А главное – богомольный и согласный, складно поет на клиросе, и характер у него – лен» [5, 141], мальчика Ваню как дитя с Богом в душе воспринимают и Горкин, и Домна Панферовна, и прочие встречающиеся ему на пути, а в людях, попадающих в поле зрения богомольцев, они видят какие-то отдельные черты, роднящие их с идеалами праведности, к поклонению которым они все так стремятся. Богомольцы встречают молодку, идущую к Сергию отмолить грех за заспанного ребенка: «совсем как святая на иконах, очень

приятная» [5, 185], игрушечника Аксенова: «Смотрим – стоит в воротах высокий старик, сухощавый, с длинной бородой, как у святых бывает» [5, 205].

Еще одним приемом отождествления является соотнесение жития преподобного с жизнью обычных людей. Этот перенос отнюдь не является дерзновенной мыслью уподобиться святому, это лишь желание «быть и жить как он», пусть в мелочах, доступных простому смертному. Но в мелочах этих земная жизнь приобретает особый смысл, одухотворяется, а сходство с эпизодами жития святого словно подсказывает человеку, где истина, как надо относиться к жизни, чтобы быть угодным Богу, если ты того хочешь. Вот Горкин рассказывает о прирученных животных, вспоминая эпизод жития Сергия с медведем: «А Преподобный <...> и медведю радовался, медведь к нему хаживал... Он ему хлебца корочку выносил. Придет, встанет к сторонке под елку... и дожидается – покорми-и-и! Покормит. Вот и ко мне крыса ходит, не боится. Я и Ваську обучил, не трогает. <...> Лаской и зверя возьмешь, доверится» [5, 138]. Подобными эпизодами являются отсылки к плотницкому делу Сергия, к случаю со взысканием лошади. Принцип параллелизма с житием Сергия словно бы прямо, буквально понимается простыми верующими: Горкин покупает Феде лубочную картинку «Труды Преподобного Сергия в хлебной»: «В бараночной у себя повесишь – слаще баранки будут» [5, 229].

Гораздо большее значение прием отождествления проявляется в рассказах не о себе, а о других людях. Здесь мысли о скромности и самоумалении не сдерживают поэтического воображения и принцип художественного отождествления со святым, и эти рассказы приобретают характер агиографической легенды, в которой герой рассказа включается в контекст уже прославленных святых: «Федя в обитель собирается, а ему богатеющую невесту сватают. Федя краснеет и не смотрит, а Домна Панферовна говорит, что вон Алексей-то Божий человек царский сын был, а в конуру ушел от свадьбы... от царства отказался. <...> Какие святые-то бывают, а уж нам хоть знать-то про них, и то радость великая. Соседи по беседке рассказывают, что есть один такой в Таганке, сын богатого мучника... взял на Крещение у дворника полушубок, шапку да валенки – и пропал! А вот на самый день матери Елены, царя Костинкина, 21 числа май-месяца, письмо пришло с Афонской горы: «Тут я нахожусь, на веки веков, аминь». Три тыщи мучник на монастырь будто выслал. Все хвалят, и так всем радостно, что есть и теперь подвижники» [5, 157].

Очень важно отметить, что в таких рассказах о «нынешних святых» актуализируется прием отстранения, когда герой повествования вольно или невольно воспринимается как иной, не такой, как все, словно рассказчики – трансляторы сказания интуитивно чувствуют разницу между горним (где пребывает избранник Божий) и дольным, где живут все остальные, от которых это горнее, впрочем, не закрыто. Примечателен эпизод, когда Федя

сообщает попутчикам, что решил уйти в монастырь: «Горкин невесел что-то, и всем нам грустно, словно Федя ушел от нас» [5, 170].

Житию святого как свидетельству праведного жития прославляемого святого придается в народе исключительная роль. «Мы пьем чай очень долго. Федя давно напился и читает нам «Житие», нараспев, как в церкви» [5, 157]. Несмотря на то, что с каноническими текстами в устных пересказах народ обращался достаточно вольно, пересказывая их в своей интерпретации и зачастую – со своими комментариями и дополнениями, что приближало жития (особенно – популярные) к фольклорному тексту, сам факт наличия жития святого как свидетельства официального признания святости прославляемого угодника был для народа чрезвычайно важным. Так, монах-проводатый пересказывает богомольцам легенду про «монашка Антония», вырывшего тут пещеру и направившего на истинный путь разбойника. На вопрос слушателей о дальнейшей судьбе монаха рассказчик подумал и говорит, что это неизвестно и жития его нет, а только по слуху передают. Ну, нам это не совсем понравилось, что нет жития, а по слуху мало ли чего наскажут. Одно только хорошо, что гнездо разбойничье прекратилось» [5, 186]. Житие становится фактом бесспорности церковного прославления угодника и оберегает простых смертных как от самомнения, так и от соблазна видеть проявление святости в обычном человеке, праведность которого иногда является личиной греха (так, Федя, пришедший из церкви, рассказал, что «видал лохматого старика, и на нем железная цепь, собачья, а на цепи замки замкнуты, идет – гремит; а под мышкой у него кирпич. Может, святой-юродивый, для плоти пострадания. Мужик говорит, что всякие тут проходят, есть и святые, попадаются. Один в трактире разувался, себя показывал, – на страшных гвоздях ходит, для пострадания, ноги в кровь. Ну, давали ему из благочестия, а он трактирщика и обокрал, ночевавши» [5, 181]).

Жития святых, будучи авторитетным текстом, вслух читали грамотеи богомольцам, пересказывали их, в целом достаточно строго следуя канве сюжета и ища в действительности подтверждения реалиям, описанным в житии. Эти реалии становятся материальным воплощением связи со святым, преодоления времени, разделяющего ныне живущих с теми, кто мог лицезреть святого как своего современника. Все, что видят богомольцы в Троице-Сергиевой лавре, вызывает у них живое чувство присутствия Преподобного здесь и сейчас, через предметы, ставшие для верующих святынями: «Преподобный кладезь тот копал, где Успенский собор, - и выбило струю, под небо! Опосля ее крестом накрыли. Так она скрозь тот крест проелась, прыщет во все концы, – чудо-расчудо» [5, 167], «кашки благословит отец настоятель в медном горшке варить, что от Преподобного остался, – черпай-неочерпаемо!» [5, 191]. Житие святого словно растворено всюду, в том числе в эпизодах, растиражированных в картинках «для народа», продававшихся в монастырской лавке: «Я

вижу священные картинки: «Видение птиц», «Труды Преподобного Сергия», «Страшный Суд» <...> Покупаем костяные и кипарисовые крестики, с панорамкой Лавры, и “жития”» [5, 228]). Эпизоды жития пересказывают монахи, забывая детали, но помня его суть и связывая его с реалиями нынешней жизни: так, в Хотькове «монах рассказывает, что отсюда, за десять верст до Троицы, какой-то святой послал поклон и благословение Преподобному, а Преподобный духом услышал и возгласил: «Радуйся и ты, брате!» Потому и поставлен крест» [5, 189-190].

Прием отождествления актуализируется и в мотиве страдания. Жизнь человеческая несовершенна, невозможна без страдания. Оттого в ней так много горя, и И.Шмелев, не впадая в сентиментальность и идеализацию, описывает это страдание. Горкин велит мальчику смотреть на больного: «От горя не отворачивайся... грех это!» [5, 164], наказывает старушке, везущей больного, молиться, и встанет его тезка – Михайла-больной.

Через страдание человек приходит к покаянию. Мотив покаяния – не только в осознании своей малости, греховности, но и в страстном желании очиститься от греха, который человек считает самым сильным в своей жизни. Так, Горкин рассказывает мальчику о своем давнем страдании: невольном его участии в гибели молодого плотника Григория. Рассказ Горкина о своем грехе, это полное скорби повествование, становится для мальчика свидетельством искреннего покаяния, осознания близким ему человеком своего отдаления от Бога, к Которому он так стремится – и вместе с тем страстного желания найти прощения и отпущения греха, ослабления страдания. «Нет, ты не убил... Горкин, милый... ты добра ему хотел», – горячо убеждает старика мальчик, словно подтверждая истину о младенце, прорекающем истину о величии милосердия Божия.

Реалии мира, связанные с преподобным Сергием, особенно ярко проявляются в мотиве одаривания хлебом. В «Богомолье» он становится лейтмотивом. «Слышится мне впросонках прыгающий трезвон, будто звонят на Пасхе. Открываю глаза – и вижу зеленую картинку: елки и келейки, и Преподобный Сергей, в золотом венчике, подает толстому медведю хлебец. У Троицы я, и это Троица так звонит, и оттого такой свет от неба, радостно-голубой и чистый» [5, 224] (как замечает С.В. Шешунова, «Герои Шмелева, верующие и неверующие, сознательно или неведомо для себя вступают во время праздника как в пространство перед иконой» [4, 29] – богомолье к Сергию паломники совершают в престольный праздник Троицы); «Ломти укладывают в корзину, уносят к двери и раздают чинно богомольцам. И здесь я вижу знакомую картинку: Преподобный Сергей подает толстому медведю хлебец. Отец хлебник починает для нас ковригу и говорит: – Примите благословение обители Преподобного на дорожку, для укрепления. И раздает по ломтю» [5, 248]; «Опускаем посильную лепту в кружку <...> Вкусили по кусочку, и стало весело –

будто Преподобный нас угостил гостинчиком. И веселые мы пошли» [5, 249]. Это не просто рассказ об угощении странников хлебом, что всегда было правилом на Руси. Лейтмотив становится указанием на акт причастия через Сергия ко Христу – как буквально (в таинстве Причастия), так и расширительно, как сопричастность вечной трапезе Христовой с преломлением хлеба. И каждому по вере: степень отождествления святому различна для христиан. Для одного это причисление себя, хотя бы отчасти, к ученикам Христовым (как святой Сергий), для другого – радость мирская, как в словах мастера-игрушечника: «Игрушечное самое гнездо у Троицы, от Преподобного повелось: и тогда с ребятенками стекались. Большим – от святого радость, а несмысленным – игрушечка: каждому своя радость» [5, 250]. Разделение мирского и горнего, к которому все идут, осознается и квасником, угощающим богомольцев: «Благодарствуйте, очень рады, что понравился наш квасок... – говорит квасник и кланяется низко-низко. – А в раю, Господь кому приведет, Господень квасок пить будут... пиво новое – радость вкушать Господню, от лицемерия Его. А квасы здесь останутся» [5, 241]. Но и этот, земной квас, – во имя Господне. Потому что для людей и с любовью к ним.

Апофеозом повествования является поклонение мощам Преподобного. Как бы ни был долог и полон человеческих волнений путь к Сергию, встреча с ним ошеломляет, как чудо: «Я целую, чувствуя губами твердое что-то, сладковато пахнущее миром. Я знаю, что здесь Преподобный Сергий, великий Угодник Божий» [5, 220]. Преподобным, т.е. в высшей мере подобным Христу, может стать тот, кто всей своей жизнью, обычным мирским путем, волей и любовью угождал Спасителю. Через него верой спасался народ, почитающий подвижника.

Отождествлением называется процесс, посредством которого субъект присваивает себе свойства, качества, атрибуты другого человека и преобразует себя – целиком или частично – по его образу. Этим отождествление принципиально отличается от уподобления, которое, применительно к древнерусской литературе, хорошо известно как агиографический прием. Уподоблять – значит делать подобным кому-либо, чему-либо, похожим на кого-либо, что-либо, сравнивать с кем- или чем-либо. Уподобление является одним из главных принципов древнерусской агиографии, когда, по наблюдениям О.В. Панченко, «при изображении каждого нового святого агиограф <...> находит соответствующий «агиологический образец» среди великих подвижников древности, по подобию которого и изображает прославляемого им святого» [3, 491]. В принципе уподобления святой оказывается объектом созерцания и поклонения, в большей мере в рамках риторической фигуры. В приеме отождествления святой становится для простого человека «своим» в обычной жизни – близким и родным, отождествление с которым дает человеку твердую надежду на спасение. Хотя бы малой причастностью к житию святого человек осознавал саму возможность такого жития,

которого Бог удостаивает избранных Своих, но сияние которого в той или иной мере отражают простые смертные, Его помнящие.

«Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. Остальные могут лишь отдаленно приближаться к этому. И когда мы говорим о «святой Руси», то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ; но для того, чтобы утвердить, вместе со Шмелевым, что рядом с окаянною Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла и Святая Русь, молитвенно домогавшаяся ко Господу и достигавшая Его лицезрения, – то в свершении совершенных дел, то в слезном покаянии, то в «томлении духовной жажды» (Пушкин), то в молитвенном богомолии» [1, 183].

Список литературы

1. Ильин И. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. – Мюнхен, 1959. – 196 с.
2. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелёв. – СПб. : Пушкинский дом, 2003. – 272 с.
3. Панченко О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. – СПб., 2003. – Т. LIV. – С. 491 – 534.
4. Шешунова С.В. Образ мира в романе И.С. Шмелева «Няня из Москвы». – Дубна, 2002. – 99 с.
5. Шмелев И. Лето Господне / Составитель, автор предисловия О.Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 653 с.

Рецензенты:

Кошелев А.В., д.фил.н., профессор, проф. кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород;
Каминская Т.Л., д.фил.н., профессор, проф. кафедры кадровой политики и управления персоналом Российской академии народного хозяйства государственной службы, г. Великий Новгород.